

Она

Она глядела в зеркала,
В них многократно отражалась.
Другим жилось, спалось, рожалось —
Она всё это прокляла.

Она глядела в зеркала...
К ногам других летели оды,
Цветы, червонцы — как колоды
Из шулерского рукава.

Я тих и спокоен, но нынче ночью
Мой мокрый плащ шуршит, как змея.
Вам стыдно смотреть в мои чистые очи.
Серебряной пулей убьют меня.

А та, что вы ведёте под руку,
Глотнёт дождя — и навек пьяна.
Вы будете мстить за свою подругу.
Серебряной пулей убьют меня.

Вы будете мстить, дождётесь момента.
Но дождь остаётся, живёт земля.
Отлитой из дореволюционной монеты
Серебряной пулей убьют меня.

Волк

Волк убежит за гари
Мимо флажков и трасс.
Вы бы меня загнали,
Но я не похож на вас.

Жизнь ваша — цирк блошиный,
Вечно скакать, сновать.
Вы меня обложили,
Но я не похож на вас.

К чёрту. Клыки в загривок.
Тощий оскал кровав.
Вы бы меня загрызли,
Но я не похож на вас.

Логика волка вечна —
Прыгнуть, и в глотку — рраз!

Вот вы меня изувечили,
И я не похож на вас.

Я для вас — не добыча,
Я ещё, может быть,
Лишь одного добился —
Права не походить.

(Но до чего довела нас —
Прямо аж кровь из глаз —
Наша оригинальность —
Я не похож на вас!)

Но это право того, кто
Словно покинув Марс,
Может, похож на волка,
Но не похож на вас!

* * *

Поколение меняет планы.
Поколение меняет платья.
Поколение исправно платит
По счетам убитых отцов.

Над собой, надо всем хохочет
И, начав, ни за что не кончит,
И взростеть ни за что не хочет,
Но взростеет в конце концов.

Как лекарство от всех болезней,
Нам удары судьбы полезны.
А друзья все в верхи полезли,
И никак их не удержать.

Позабыты споры на сутки,
Позабыты стихи, рисунки.
А мечты воют вслед, как суки,
Но на это уже плевать.

Свято веря в свою кристальность,
Понимая, другими стали,
В двадцать лет мы звёзд не достали
И не выжили подлецов.

Мы идём и справа и слева,
Бездорожьем или по следу.
Лихорадочно не взрослеем,
Но взрослеем в конце концов.

* * *

По базару здорово тянет балыками.
(Здесь всегда обычно пахнет балыком.)
Я стою, я зазывала в балагане,
И на мне изрядно пёстрый балахон.

Я толпе бросаю шуточки да рифмы.
На дворе эпоха — лучше не сыскать!
В живописи — нимфы и в скульптуре нимфы,
И в натуре нимфы — экая тоска!

Не желая в данном веке быть профаном,
Я к первопечатнику рукопись несю.
Он мне отвечает:

— Ты давай про фавнов,
Что гоняют нимфов в девственном лесу!

А не то печатайся на стене сортира,
Для таких как ты и ни к чему печать.
Я не разу в жизни не видал сатира,
Или, скажем, эльфа — экая печаль!

Но зато я видел — красную рубаху
В ателье «Новинка» примерял палач.
Видел, как живётся слепу да горбату.
Видел плач, слышал плач, трогал плач!

Разве не видал ты, как идут солдаты
(Сабли да гранаты, луки да штыки),
Оставляя внукам для зубрёжки даты,
Оставляя милым звёзды и долги?

На актёре тощей банды скоморошьей
Клином не сошёлся наш печальный свет.
Но моё бессилье скоро станет мощной
Силой, от которой зазвенит рассвет!

Славой не обласкан, я зелёным глазом
Всё пытаюсь в сущность времени вникать,
Никаких рекордов, никаких соблазнов —
Наступают очень средние века.

Памяти Марины Цветаевой

В бумагу кровью вляпано:
«Трагически погибла...»
Елабуга, Елабуга,
Маринина могила.

Наверное, там ели,
Лабазы да луга.
Неверное, томленьё —
Елабуга.

Наверно, эмигрантка и
Богемная богиня.

И стиснутая рамкою
«Трагически погибла».

Наверное, прошёная,
А может, упрощённая,
По-новому прочтённая...
Ну, здесь уж ни при чём она.

Над ней аэродромы,
Легенды, облака...
Неясная, сквозь дрёму —
Елабуга...

* * *

Тоской, как оспой, нас метит осень —
Мы отличимы.
Она полезна, она болезнь ли,
Но как лечиться?

Проекты, планы — к чему всё это,
Проекты, планы?
Идут поэмы и не поэмы
В природу плакать.

И в старой роще над лысым лесом
Вороны ропщут.
Чего уж проще? Куда мы лезем?
И ранят рощи.

И уходили, и провожали.
Про институты,
Про жизнь болтали, и про вокзалы,
Но не о сути.

И как нелепо мы по России
Распределились —

Вот это физик, а это — схимник,
А это — лирик.

И физик Сашка смотрит не веря,
Пижон с портфелем,
Как лист берёзы, летит по ветру
В стакан с портвейном.

Ну что ж, ребята, скончалось лето —
Хлебаем зелье
За циклотроны и за сонеты,
И за везенье.

Пусть подфартит нам в час неурочный
А там — залезем...
Плывут, как титры, чужие строчки
За лысым лесом.

Ведь у природы, куда как проще
Просить пощады.
Простили б люди. Леса и рощи
Всегда прощают.

* * *

Здесь во всём разберёмся мы.
Жёлто костра лекало.
Пусть нас не отвлекают
Девочки за берёзами.

Листья шуршат, как ресницы,
Шлёпают по щекам,

Будто бы бьёт пошляка
Рыжая выпускница.

Слышишь, на листьях ржавых,
Что под ноги нам слетают,
Записаны наши тайны,
Исповеди и жалобы.

Наши тосты без закуси,
И голоса простудные...
Как деревянная студия
Звуко... нет, чувствозаписи.

А голоса преследуют,
Видно, не успокоишься.

А годовые кольца,
Словно бобины с лентою.

Символы, звуки, знаки —
Всё из глубин повыплыло.
Мир, по-моему, выполнен,
Вывернут наизнанку.

* * *

Надоело
Постоянно себя искать.
Обстоятельство одолело.
И судьбы не узнать из карм —
Не чужая и не моя.
Надоело

Рекам тратить себя в моря,
А охотникам — гнать оленя.
С этим что-нибудь надо делать,
Но в сегодняшнем сентябре
Надоело

Сверхзадачи ставить себе,
Как расходятся наши пути —
Вам направо, а нам налево,
Я бы мог и с вами идти...
Надоело.

* * *

Я хотел сойти с ума
По причине столь банальной,
Что последние болваны
Осмеяли бы меня.

Они правы были бы,
Нынче кончились забавы.
Друг смеётся — из-за бабы,
Я кричу — из-за любви!

В самолёт, в вагон, в такси,
Дневники и сказки — в омут,
Пусть никто нигде не вспомнит
Имя женское тоски.

Пусть в далёких городах
Остаётся взгляд летящий,

Вкус растаявшей ледяшки
На нетронутых губах.

Если б курс наук возник
О прощании, к примеру,
Я по этому предмету
Был бы первый ученик.

Звуки ласковых гитар
Обрываются визгливо,
Точно вынули из грифа
Очень нужную деталь.

Пусть в далёких городах
Остаётся вкус обиды.

Вкус несорванной рябины
На нетронутых губах.

* * *

Сюда приходят многие —
Мудрец, подлец.
Не важно — биология,
А важно — лес.

Побегать, побеситься
В росе, траве...
Не важно — древесина,
А важно — свет.

Здесь каждый разберётся,
Куда идти.

Не важно, что берёза,
А важно — ты.

Отстанешь ли, устанешь —
Сюда бредёшь,
В застывший белый танец
Больших берёз.

Ты захлебнулся в спешке,
А долг растёт...
Возьми с собою спички,
Зажги костёр.

* * *

А что такое интеллект?
Среди модерна и телег
Мозг перегружен рёвом битлов,
Набит цитатами из Библии.
И наши бедные нейроны
Трепещут чутко и неровно.
Они же добела нагреты!
А информация наглеет —
В секунду сотни новых данных!
Но знанье не даётся даром —
Воспринимаешь, если даже
Воспринимать не можешь дальше.

Переработка информации —
Когда же можно ей заняться?
У нас же не века в запасе —
Успеть бы в сроки, хоть запарься,
Чтоб стало качеством количество.
А в голове моей колыхается
Всё от Адама до ядра,
И хочется забыть, удрать...
Но это слабость на минуты,
А вот когда она минует...
(О эти долгие мгновенья!)
К Эйнштейну и Хемингуэю!

* * *

Что ж, не вышло,
Мы — пули.
Наши сроки
минули.
Наши годы
канули.
Сутками,
веками ли
Наш удел —
убожество.
Наши струны —
лопнули.
Наше место —
в обществе.
Это место —
лобное,

Наши песни —
хриплые,
Споры —
беспредметные,
Наше дело —
гиблое,
Наши деньги —
медные.
Милые, возлюбленные,
Эти и забытые —
Крашенные,
глупые,
У друзей отбитые.
Наш язык —
до Киева,
А стихи —
такие вот:
Не искали толка,
В них тоска —
и только.
Ладно,
Попытаемся,
перевоспитаемся.
И годов на тридцать
Мы станем
оптимистами,
Чтобы в пятьдесят
снова написать:
«Что ж, не вышло,
Мы — пули,
Наши сроки
минули...»

* * *

Мы на виду гвардейцы,	Как тянутся недели
Нам никуда не деться.	От бабы до дуэли.
Мы ходим в самых-самых.	Дуэли надоели,
Завидуют гусарам,	А в жизни нету цели.
Что дерзко и без лести	Да, цели нету в жизни,
Живём в параде, в блеске,	И вовсе не от жиру,
Живём под крики «Браво!»),	И не от блажи барской,
На всё имеем право,	Не от тоски кабацкой.
Различия не знаем	Стояли мы стеной
С принцами, князьями,	На площади Сенной,
Небрежно всем кивая,	Стояли как в тумане,
И что шампанским ванны	Беспомощно-гуманны,
Способны наполнять.	Потом настала трезвость.
И всё ж им не понять,	А надо было резать!

Сенат и Николая
Картечью и колами,
Жестоко, странно, просто!
А нынче на допросах
Российские Дантоны
Всех заложить готовы —
Уж так нас воспитали...
Чудовищный спектакль

Дознания и суда
Устроил государь.
А надо было — в массы...
Но не написан Марксом
Пока что «Капитал».
Армейский капитан
И тот худой поручик —
Они своё получают...

* * *

Ты записал себя в калеки
И понял, подойдя к окну,
Как важно в круглые колени
Свой лоб пылающий уткнуть.

Я знаю, кто-то в час ночной
Затянет в шахматы окошек,
Поставит март передо мной,
Как будто мат поставить хочет.

Пополненный зелёным зельем
И яркий, как игрушка вятская.

Глаза наполнятся прозреньем,
Презреньем губы искривятся.

Но ты же рядом, ты же видишь всё,
Поймёшь, что я ещё не начат,
И на неправду не обидишься,
Узнаешь правду — не заплачешь.

И распрощаемся по-зимнему.
И отразишься в лёд и лужи,
Где пахнут радуги бензином.
И так, наверно, будет лучше.

* * *

Доспехи стёрты, камзол изношен.
Сюжет не сложен:
Мы вынимаем мечи из ножен —
Король низложен,
Жених повенчан, злодей повешен,
Престол повержен,
На вишнях вешних цвет белый вечен —
Сюжет заверчен,
Придумки, притчи — пришли пираты,
Прошли награды,
А в сердце пуля летела, дура...
Литература.

* * *

Над опалённым муравейником,
Как выметают мусор веником,
Как в печь выбрасывают вирши,
Кружатся радужные вихри,
Сверкает хаос, хай, холера —
Хлам. Осень! Роца околела.

Куда? В задышанном вагоне
Её колышет, как в агонии.
Она стройна, как парижанка,
И ей так хочется прижаться
И что-то прошептать такое,
О чём не думаешь в вагоне.

А он устал. Он хамски робок.
Дурак, ребёнок, ну, попробуй!
Она отчаянно тонка, и
В её очах тоска такая!

Ну, а его тоска боится
С её тоской соединиться
И в результате стать громадной
Тоской классических романов...

* * *

Но к ночам припадал — не я,
На колени вставал — не я,
Я не знал униженья,
Не считал расстоянья,
И я знал свой нелёгкий крест,
И я знал свой недобрый смех,
Признавая лучшим из средств
Вдруг сорваться с привычных мест.
Но всего один год — и вот,
Но всего один год — и в ад.
Или полностью идиот,

Или полностью автомат.
У меня был точный реестр,
По которому шло бытие,
Как узнал я, что в мире есть
Недоступные губы её?
Или всё поломать, порвать,
Переделать, перекроить,
На последний прийти парад
По колено в своей крови.
Унижать её до себя?
Возвышать себя до неё?

* * *

Ответ не ясен и не слышим,
Нельзя. Они похожи слишком.
И с одинаковостью злой
Они бегут как с эстафетой,
Передавая на бегу
Друг другу странную тоску.
А в недоступной стратосфере
(Как они в это страстно верят!)
Плывут неслышимые звуки,
К которым люди вечно глухи.
Слова таких высоких истин
Плывут, как голуби. Ну свистни!
Они слетят акробатически
Клевать зерно к твоим ботиночкам.

На нас проклятие предела,
И этого не переделать.
Идёт инфляция таланта,
И что в дальнейшем... ну, да ладно.
Пророки неба голубого —
Ты их не слышишь, слава богу.
Всё предыдущее — бред, яд.
Они другое говорят —
Не о решётках и приказах,
И о весёлых и прекрасных,
Кто нужен, кто подлец, кто лишний...
Такие б истины услышать,
Понять, переложить в стихи...
Но эти звуки высоки.

* * *

Человек ни на кого не похож —
Волоките человека под нож!
Человек ни на кого не похож —
Растопчите миллионом подошв!
Но когда прольётся огненный дождь,
На полях сгорят пшеница и рожь,
И стада скота повалит падёж,
И начнётся одичалый галдёж,

Навсегда заменит истину ложь,
Сумки из татуированных кож,
Всё забыто — никуда не пойдёшь,
Всё забыто — ничего не поймёшь,
Всё оплакано — слезы не прольёшь,
Затрясёт Вселенную дрожь
Одинаково испуганных рож —
Скажешь гóрю своё гневное «Врěшь!»
Человек ни на кого не похож.

* * *

До поры мы на всё плюём	Я не знал её губы, нет,
И не ведаем слов святых.	Ведь она любит цветы.
И теперь я люблю её,	И теперь в проводах свистит
А она любит цветы.	Жгучий воздух — пришла зима.
На последний трояк — букет,	А она так любит цветы,
Или с клумбы чужой свести.	А она не любит меня.

* * *

Когда мне очень плохо —	Её благословенья —
Жара или озноб,	Высокие стихи —
Мне снится, что эпоха	Вскрывают, словно вены,
Меня целует в лоб.	Пожалуйста... теки!

* * *

Третья ночь, как я гений.
На три ночи мне дан
Опыт всех обобщений,
Мудрость эпох и стран.
Первую ночь я спорил,
Сыпались аргументы,
Ринулись оппоненты.
Дискуссию я испортил.
Мнения разбивал я,
Сомнения отметал,
Спорил я гениально,
И в глотке звенел металл.
Всё объявили ложью,
Всё побросавши в урну.
Я своего предложить
Не успел — наступило утро.
Вторую ночь я был с нею,
Дурацким счастьем наполнен.
Не было объяснений,
Я сам всё отлично понял.

И за окном машины
Друг за другом гонялись.
Но чтобы стать мужчиной,
Кому нужна гениальность?

Третья ночь, как я гений.
Кажется, третья ночь...

* * *

Оброс и подурнел, А был-то как игрушка... Последнее турне По кабакам Иркутска. Последние рубли, Официанты, нате! Как жаль, что нет любви, Ни Верочки, ни Нади. Надежда на друзей Слаба, а вера в чудо Во столько раз слабей, Что лучше промолчу я. И лучше почитать Судьбу за идиотку. Давайте начинать! Девчонки, пейте водку! Учитесь нас любить, А лучше не учитесь — Вы разобьёте лбы О нашу неучтивость. Идея не стара ль, По Блокову закону	Идите в ресторан И ждите незнакомку. Спасибо добрякам, Но век ракетных гонок — Швейцарам дан приказ Гнать в шею незнакомок. Ты стой себя, швейцар! В нелепом позументе Поэзия свинца Сменяет прозу меди. Вы привыкайте к нам И нашим шуткам странным, Вы рамы — без окна, А мы — окно без рамы. Нам плохо — мы шуты, Нам горько — скоморохи. Вопрос: а что же ты Оставишь для эпохи? Долги собрать с кого? Так прекрати старанья, Ведь этот разговор — Он не для ресторана...
--	--

16.01.1971

* * *

— На ваш исходящий номер такой-то
Я отвечаю так-то и так-то...
Ваш подопечный вполне спокоен,
Наподобие подбитого танка.

Не кризис и не манёвры НАТО,
Его идея — хороша ли, плоха —
Легла под него, как матрос с гранатой.
И он в конечном счёте запылялся.

Начинается последнее действие травли —
Без лишнего шума и без собак.
А он горит на зелёной травке,
А у него сейчас рванёт бензобак.

Последний донос на свою машину
Настрочит танкист обгоревшей рукою:
«...Вот и всё, что я могу сообщить вам
На ваш исходящий номер такой-то...»

* * *

А как нас, ребята, учили —
Всё мимо ушей проходило,
Как будто махали кадиллом,
Как будто светили лучиной.

А как нас, ребята, ласкали!
Но скулы сковало тоскою,
Мы к ним относились по-скотски,
Поскольку кого-то искали.

И скатывались по скалам,
И по стране таскались,
И дым в потолок пускали,
Заняв чужие плацкарты.

А как нас, ребята, жалели,
Плюя потихоньку в очи
За наши повадки волчьи
И чуя клыки на шее,

И как нас потом прижали,
Покусывая по-сучьи
За тяжесть грехов, а в сущности,
За жадность души, за жадность.

Но не были мы скупыми,
Мы тратились, сопротивлялись.
И я до сих пор удивляюсь,
Как дешёво нас купили.